

*Душа
Природы*

Содержание

Отрывки из статей и книг Хорхе Анхеля Ливраги	1
Отрывки из книг Мориса Метерлинка	4
Отрывок из книги Дмитрия Мережковского	9
Отрывки из произведений Антуана де Сент-Экзюпери	11
Разное	12
Поэзия	13

Хорхе Анхель Ливрага «Анкор-ученик»

Ранним утром Анкор, одетый в желтую тунику, в одиночестве отправлялся на прогулку. Легкий посох, на который он опирался, – вот все, что юноша брал с собой. Он уходил в ближайшие горы, взбирался на утесы и любовался оттуда дивными пейзажами. В другие дни он исследовал таинственные пещеры, которые обнаружил среди скал северного берега. Он подолгу бродил по лесу, гладил шершавую кору деревьев, пытаясь разгадать знаки, оставленные временем на ее поверхности. Он изучал жизнь птиц в зеленых кронах и мог часами наблюдать за удивительной работой маленького скарабея, катавшего свой шарик. Он спал на траве, под звездами, питался плодами и ягодами, купался и пил воду из родников.

Были ночи, когда юный кандидат в Мистерии, оставаясь далеко от своего домика, совершенно забывал о сне. Он лежал у ручья, съездившись между корнями большого тополя, и наблюдал, как медленно, еле заметно открывались и закрывались цветки на водной глади. На восходе, с первым поцелуем солнечного луча, лепестки выпрямлялись, отделялись друг от друга, и цветок раскрывался; на закате, когда тени деревьев смешивались с наступающими сумерками, лепестки вновь соединялись, и цветок закрывался.

Эти наблюдения очень помогли Анкору развить терпение и внимание. Он начал глубже понимать закон циклов, принцип постоянства и вечного движения жизни – проявленной или сокровенной. После бессонной ночи он приходил прямо в храм, на свои ежедневные занятия, и с каждым днем его взгляд становился чище и добрее.

Часто во время прогулок он замечал, что животные убегают и даже ветви деревьев отодвигаются в страхе, слыша звук человеческих шагов. Благодаря обету молчания он понял, что существа, принадлежащие низшим царствам Природы, предпочитают людей молчаливых, спокойных, приходящих к ним с любовью, без желания использовать их в своих целях или бессмысленно пролить кровь.

День за днем, месяц за месяцем Анкор впитывал спокойную, величественную мудрость деревьев, радостную красоту ручьев, властный энтузиазм бурь, осторожную чувствительность ланей. Проникая в душу юноши, растения, ветер, водопады, все прекрасные образы Природы наполняли ее

таинственными шорохами, гармоничными созвучиями, населяли ее светящимися, прозрачными существами.

Хорхе Анхель Ливрага **«Вселенная как ответ»**

Так что же мы можем почерпнуть из природы минералов? Упорство, твердость, стремление осуществить свое предназначение. Но кто из нас может сказать, что мы разделяем с камнями это стремление, что упорно ищем свое предназначение? Как правило, встречая препятствие, мы некоторое время боремся с ним, и если препятствие не отступает, отступаем мы. А вещи в природе, например камни, обладают упорством, чтобы быть сильнее времени, сильнее его испытаний и всегда искать свое предназначение.

Нашим детям в школе рассказывают о различных свойствах растений; так, например, они знают, каким образом в растениях создается хлорофилл. Но им ничего не говорят о том, что помимо фотосинтеза растения обладают еще способностью ждать и способностью расти. Маленькое зерно, скрытое под снегом в холодной земле, терпеливо ждет приближения весны. С ее приходом зерно прорастает в поисках воздуха и солнца, и это второй урок упорства — стремление вверх.

Хорхе Анхель Ливрага **«Идеалы тела и идеалы души»**

Давайте зададим себе важнейшие вопросы. Почему прорастают семена? Почему звезды перемещаются по небу? Почему движутся микробы? Почему дует ветер? Почему медленно падают листья? Кто она, Природа, давшая семенам некоторых деревьев крылья, похожие на лопасти вертолета, благодаря которым семена улетают далеко от дерева-родителя? Кто она, Природа, расположившая дыхательные поры листьев внизу, чтобы пыль не затрудняла им жизнь? Наконец, кто она, Природа, наделившая цветы ароматом и разными оттенками, чтобы к ним прилетали пчелы и опыляли их?

<...>

Слово «душа», греческое по происхождению, означает и символизирует оживление, одушевление, то есть нечто, дающее жизнь. Действительно, это слово – точнейшее определение того, что одушевляет, дает жизнь, того, что придает всему

смысла. Вспомните деревья, уходящие корнями глубоко в землю и благодаря этому противостоящие ветрам, – они не составляют архитектурного проекта для своих корней. Существует «нечто», спроектировавшее крылья бабочек, «нечто», позволяющее выживать и размножаться микробам, крошечным формам жизни. Это «нечто» обучило маленькие клеточки делению, и не мы изобрели этот процесс, мы просто обнаружили его в природе. «Нечто» научило жирные кислоты вести себя определенным образом внутри организма, а нервные пути – образовать сеть, связывающую мозг с телом. И тогда это «нечто», спроектировавшее все вещи, «нечто», придавшее сферическую форму мирам, потому что такая форма дает оптимальное соотношение между объемом и площадью, это «нечто» мы назовем Душой, назовем Духом. Душа и Дух должны находиться и внутри нас самих, ведь мы тоже являемся частью Природы.

Хорхе Анхель Ливрага «Элементалы, духи природы»

Минерал, растение, животное, человек, герой, существо из мира Богов и сокровенная Колонна Света, которая их объединяет, – все живет, все дышит, все вибрирует и движется или пребывает в покое.

Тот, кто смог однажды прозреть и увидеть полноту Жизни, будет созерцать ее и впредь, везде и во всем, когда его сердце и ум захотят этого. Перед ним раскроется Жизнь разумная, упорная в своем желании быть. Она принимает те формы и ту интенсивность, какие необходимы в данный момент. Она становится рыбой в воде, оленем в лесу, скалой в горной цепи, молнией в небе, поцелуем на губах, сверканием меча, шепотом в тишине, прозрачными и мимолетными видениями в ночи, голосами, которые обращаются к нам из глубин нашей души, музыкой камня в древних храмах и нематериальной архитектурой звуков и образов в произведениях Вагнера.

Все вечно живет в этом великом Цикле Жизни, в этом Макробиосе, имеющем не только тело, но и Дух, пронизывающий все сущее. Дух, которым является Господь наш Бог. Смерти не существует.

<...> Невидимыми кисточками они раскрашивают зарю и сумерки, весной пробуждают к жизни траву и деревья и усыпляют природу зимой....

Морис Метерлик **«Жизнь пчел»**

Профан, перед которым открывают наблюдательный улей, сначала бывает весьма разочарован. Его уверяли, что этот стеклянный ящик заключает в себе беспримерную деятельность, бесконечное число мудрых законов, удивительную массу гениальности, тайн, опыта, расчета, науки, различных искусств, предусмотрительности, уверенности, разумных привычек, странных чувств и добродетелей. Тем не менее он не находит там ничего, кроме бесформенной кучи маленьких рыжеватых ягод, весьма похожих на зерна жареного кофе или на сухой виноград, скученный около стекол. <...>

Но здесь происходит то же, что случается со всякой глубокой действительностью. Нужно научиться ее наблюдать. Обитатель какой-нибудь планеты, который увидел бы, как люди почти незаметно движутся взад и вперед по улицам, собираются в кучу вокруг некоторых зданий или на некоторых площадях, ждут неизвестно чего, без видимого основания, в глубине своих жилищ, – этот обитатель сделал бы из всего замеченного заключение, что люди инертны и жалки. Только мало-помалу можно распознать многосложную деятельность в этой инертности.

.....

Пчела, прежде всего и еще больше, чем муравей, – существо общественное. Она не может жить иначе, как в обществе других. Когда пчела выходит из улья, где так тесно, что она головой должна пробивать себе путь через живые стены, которые ее окружают, она выходит из своей собственной стихии. Она на мгновение погружается в пространство, полное цветов, как пловец ныряет в океан, полный жемчуга; но под угрозой смерти необходимо, чтобы она через правильные промежутки возвращалась подышать толпой, точно так же, как пловец возвращается подышать воздухом. Находясь в одиночестве, пчела погибает через несколько дней, именно от этого одиночества. Тут не помогут ни обильная пища, ни самая благоприятная для ее жизни температура. Многочисленное скопление, улей выделяют для нее невидимую пищу, столь же необходимую, как и мед. К этой потребности нужно обратиться, чтобы выяснить дух законов улья. В улье индивид – ничто, он только безразличный момент, окрыленный орган рода. Вся его жизнь – это полная жертва существу бесчисленному и непрерывно возобновляющемуся, часть которого он составляет. Любопытно установить, что не всегда было так. По

настоящее время среди медоносных перепончатокрылых встречаются все стадии прогрессивной цивилизации – нашей домашней пчелы. Внизу лестницы она работает в одиночку, в нищете; часто она даже не видит своего потомства (Prosopis, Collates и т. д.), иногда живет среди тесной семьи, созданной ею в течение года (шмели), затем образует временные ассоциации (Panurgues, Dasypodes, Halictes и т. д.) и, наконец, переходя со ступени на ступень, доходит до почти совершенного, но безжалостного к индивиду, общества наших ульев, где индивид всецело поглощается республикой и где республика, в свою очередь, постоянно приносится в жертву абстрактному и бессмертному обществу будущего.

.....

Он (Дух улья) регулирует труды каждой из работниц. Смотря по их возрасту, он распределяет обязанности кормилицам, которые ухаживают за личинками и куколками, статс-дамам, пекущимся, не спуская с нее глаз, о царице, вентиляторшам, которые движением своих крыльев проветривают, освежают или согревают улей и ускоряют испарение меда, слишком насыщенного водою; архитекторам, каменщикам, работницам, выделяющим воск скульпторам, которые образуют цепь и строят соты, сборщицам, отправляющимся в поля собирать нектар цветов, который обратится в мед, цветочную пыль, составляющую пищу личинок и куколок, пчелиную смазку, служащую для законопачивания и укрепления построек города, воду и соль, необходимые молодому поколению нации. Он указывает задачу химикам, которые обеспечивают сохранение меда, впуская туда с помощью жала капельку муравьиной кислоты; работницам, которые заделывают крышечки ячеек, когда содержимое в них сокровище уже зрело; подметальщицам, поддерживающим безукоризненную чистоту улиц и общественных площадей; могильщикам, уносящим прочь трупы; амазонкам охранного отряда, который бодрствует день и ночь для безопасности у входа, опрашивая входящих и выходящих, узнавая в первый раз выходящую молодежь, спугивая бродяг, праздничношатающихся и грабителей, изгоняя незаконно вторгшихся; нападают всей массой на грозных врагов и, если нужно, баррикадируют вход.

.....

Известны тысячи примеров привязанности и абсолютной преданности работниц их царице. Во всех катастрофах маленькой республики – падении улья или сотов, жестокости или невежества человека, холода, голода и болезни, – если даже погибает основная масса народа, царица почти всегда бывает

спасена, и ее находят живую под трупами ее верных дочерей. Ее все защищают, облегчают ей бегство, создают ей из своих тел оплот и убежище; сохраняют для нее самую здоровую пищу и последние капли меду. И до тех пор, пока она жива, как бы ни было велико бедствие, отчаянье не овладевает обителю "девственниц, пьющих росу". Разбейте двадцать раз подряд их соты, отнимите у них двадцать раз их детей и их припасы, - вы не заставите их сомневаться в будущем; их голодные опустошенные ряды, доведенные до маленького отряда, которому едва удастся скрыть свою мать от глаз врага, реорганизуют распорядок колоний, принимают самые срочные меры, снова распределяют между собой работу, согласно ненормальным нуждам этой несчастной эпохи, и немедленно заново принимаются за труд с таким терпением, жаром, разумением, стойкостью, которые не часто встречаются в столь высокой степени в природе, хотя большинство существ выказывают больше мужества и уверенности, чем человек.

Морис Метерлик
«Разум цветов»

Никогда не забуду я удивительного примера героизма, преподанного мне однажды в Провансе огромным столетним лавровым деревом среди дикого и прелестного Волчьего ущелья, пропитанного ароматом фиалок. На истерзанном и, так сказать, застывшем в судорогах стволе дерева легко было прочесть всю драму его упорной тяжелой жизни. Птицы или ветер – властелины судьбы – занесли семя на поверхность утеса, падающего отвесно, как железный занавес. И дерево родилось здесь, в двухстах метрах над потоком, недоступное и одинокое среди раскаленных, бесплодных камней. С первых часов жизни оно отправило свои слепые корни в долгие и трудные поиски случайной влаги и чернозема. Но то была наследственная забота растения, привыкшего к сухости южного климата. Молодому стволу предстояло решить задачу более трудную и неожиданную. Он возник в вертикальной плоскости, так что его чело, вместо того чтобы подниматься к небу, наклонялось над бездной. Поэтому необходимо было, несмотря на растущий вес ветвей, выправить первоначальное движение, упрямо вровень со скалой согнуть коленом сбитый с толку ствол и таким образом, подобно пловцу, закинувшему вверх голову, силой неутомимой воли, постоянного напряжения, вечной судороги

сохранить в прямом положении среди лазури тяжелую корону листвы.

С той минуты все заботы, вся энергия, весь свободный гений растения сосредоточились вокруг этого жизненного узла. На чудовищно разросшемся изгибе ясно видны одна за другой все последовательные тревоги своеобразной мысли, сумевшей использовать все предостережения дождей и гроз. Из года в год тяжелела корона листвы, беззаботно распускаясь в свете и тепле, между тем как тайная язва глубоко разъедала поддерживавшую ее в пространстве, трагически напряженную руку. Тогда, послушны Бог весть какому инстинкту, два мощных корня, два мохнатых каната, выросши из ствола на два фута выше над изгибом, вились к ней на помощь и прикрепили ее к гранитной кале. Действительно ли они были вызваны к жизни угрожавшим бедствием, или же, одаренные даром предвидения, они с первых дней жизни ожидали часа острой опасности, чтобы удвоить силу своей помощи? Или то было лишь делом счастливого случая? Какой глаз человеческий сможет когда-либо подглядеть эти драмы, безмолвные и слишком длительные для нашей короткой жизни*?

[- Укажем по этому поводу на проявление разумной мысли со стороны другого корня, о подвигах которого рассказывает нам Брандис (Uber Leben und Polaritat). Углубившись в землю, корень этот наткнулся на подошву старого башмака. Чтобы проникнуть через это препятствие, которое он, без сомнения, первый в роде нашел на своем пути, корень разделился на столько отростков, сколько было отверстий от башмачных гвоздей, а пройдя через препятствие, снова соединил и срастил все разделившиеся части, образуя единый и цельный стержень.]*

.....

Среди впечатлений, которые, помимо нашего ведома, образуют светлые родники и, быть может, глубочайшее дно счастья и спокойствия всего нашего существования, кто из нас не сохранил воспоминания о каких-либо прекрасных деревьях? Когда переступаешь за середину жизни, когда приходишь до конца периода, полного удивлений, когда ты исчерпал почти все зрелища, какие могут нам доставлять искусство, гений и роскошь веков и людей, когда испытываешь и сравнишь между собою многое, то возвращаешься к самым простым воспоминаниям. Тогда проступают на просветленном горизонте два-три невинных образа, неизменных и свежих, которые хотелось бы унести с собою в последнем сне, если только какой-

нибудь образ в силах перешагнуть через порог, разделяющий наших два мира. Что касается меня, то я не могу представить себе такого рая, такого загробного мира, как бы он ни был великолепен, в котором на своем месте не красовался бы великолепный бук с горы Сент-Бома, или знакомый мне известный кипарис, или известная зонтообразная пинта, виденная мною во Флоренции или осеняющая скромный монастырь близко от моего дома, - деревья, дающие прохожему пример всех великих душевных движений – должного сопротивления, мирной отваги, порыва вверх, скромной важности, молчаливой победы и постоянства.

.....

Нельзя закончить главу о водяных растениях, не нарисовав вкратце жизнь наиболее романического среди них – легендарной валлиснерии, одной из Hydrocharideae, брак которой принадлежит к наиболее трагическим эпизодам в истории любовных приключений цветов.

Сама по себе валлиснерия является незначительной травой, не имеющей ничего общего с красотой кувшинок или других подводных мочковатых растений. Но можно думать что природа с особенным удовольствием внушила этой траве счастливую мысль. Все существование этого маленького растения протекает в глубине вод, в полусонном состоянии до того брачного часа, когда оно начинает стремиться к новой жизни. Тогда женский цветок медленно разворачивает длинную спираль своей ножки, поднимается, выныривает из воды и пышно распускается на поверхности пруда. Из соседнего корня мужские цветы, виднеясь сквозь освещенные солнцем воды, полные надежды, в свой черед, поднимаются на свидание с той, которая, качаясь, поджидает их и зовет в очарованный мир любви. Но, достигнув середины пути, они внезапно останавливаются: их стебель, источник их жизни, оказывается слишком коротким, и никогда не дотянуться им до царства света, единственного, где могло бы совершиться соединение тычинок и пестика.

Существует ли в природе большая оплошность или более жестокое испытание? Вообразите себе драматизм этого желания, недоступность счастья, почти достигнутого, его прозрачную несбыточность, невозможность без видимого препятствия.

Драма эта была бы неразрешима, как и драма нашей собственной судьбы на земле. Но вот в дело вмешивается неожиданная стихия. Было ли у мужских цветов предчувствие ожидающего их разочарования? Во всяком случае, несомненно

то, что каждый из них спрятал в своем сердце воздушный пузырек, как мы прячем надежду на чудесное избавление. Минуту они как бы застывают в нерешительности, но вдруг, сделав героическое усилие навстречу к счастью, – самое поразительное, какое я знаю в жизни насекомых и цветов, – решительно порывают связь, которая соединяет их с жизнью. Они отрываются от своей ножки, и лепестки их в несравненном порыве, среди жемчужной радости, лопаются на поверхности воды. Смертельно раненные, но светлые и свободные, они некоторое время плавают рядом со своими беспечными невестами; соединение совершается, после чего жертвы погибают, унесенные течением, в то время, когда их супруга, уже ставшая матерью замыкает свой венчик, где живет их последнее дыхание, скручивает свою спираль и снова опускается в водную глубину, чтобы там вынашивать плод героического поцелуя.

Эту светлую картину, строго воспроизводящую действительность, но рассматривающую ее лишь со стороны света, – следует ли омрачить, созерцая ее также со стороны тени? Почему бы нет? С теневой стороны можно увидеть истины столь же любопытные, как и со стороны света. Эта очаровательная трагедия является совершенной, если мы будем в ней изучать разум и стремление вида. Но если обратим внимание на отдельные особи, то убедимся, что они часто в этом идеальном плане движутся ощупью и в противоположную сторону. То мужские цветы поднимаются на поверхность, когда еще нет поблизости ни одного пестикового цветка. То при низком уровне воды, который позволил бы им легко соединиться с подругами, они тем не менее машинально и бесполезно отрываются от стебля. Здесь мы еще раз констатируем, что гений принадлежит виду, всеобщей жизни или природе, и что отдельная особь почти лишена разума. У одного только человека замечается соревнование между разумом вида и особи, стремление все более и более резкое и активное к какому-то равновесию, которое является великой тайной нашего будущего.

Дмитрий Мережковский

«Воскресшие боги, или Леонардо да Винчи»

А между тем под этим бесстрашием и холодом Франческо угадывал любовь его ко всему живому – и к жалобно сморщенному, как личико новорожденного, листику, который

природа поместила под шестым верхним листом, нарочно так, чтобы первому было светло, чтобы ничем не задерживалась капля дождя, стекающая к нему по стеблю, – и к древним могучим ветвям, которые тянутся из тени к солнцу, как молящие руки, и к силе растительных соков, которые устремляются на помощь к раненому месту, как живая кипящая кровь.

Порою в чаще леса останавливался он и долго с улыбкой глядел, как из-под увядших прошлогодних листьев пробивается зеленая былинка, как в чашечку нераспустившегося подснежника с трудом пролезает пчела, слабая от зимней спячки. Кругом было так тихо, что Франческо слышал удары собственного сердца. Робко подымал он глаза на учителя: солнце сквозь полупрозрачные ветви озаряло белокурые волосы, длинную бороду и густые нависшие брови Леонардо, окружая голову его сиянием; лицо было спокойно и прекрасно, – в эти минуты походил он на древнего Пана, который прислушивается, как трава растет, как подземные родники лепечут и таинственные силы жизни пробуждаются.

Все было для него живым: вселенная – одним великим телом, как тело человека – малою вселенною.

В капле росы видел он подобие водной сферы, объемлющей землю. На шлязах, в местечке Треццо, близ Ваприо, где начинался канал Мартезана, изучал он водопады, водовороты реки, которые сравнивал с волнами женских кудрей.

– Заметь, – говорил он, – как волосы следуют по двум течениям: одному – прямому, главному, по которому влечет их собственная тяжесть, другому – возвратному, которое завивает их в кольца кудрей. Так и в движении воды одна часть устремляется вниз, а другая образует водовороты, извивы струй, подобные локонам.

Художника привлекали эти загадочные сходства, созвучия в явлениях природы, как бы из разных миров перекликающиеся голоса.

Исследуя происхождение радуги, заметил он, что те же переливы красок встречаются и в перьях птиц, и в стоячей воде около гнилых корней, и в драгоценных камнях, и в жире на поверхности воды, и в старых мутных стеклах. В узорах инея на деревьях, на замерзших окнах находил он сходство с живыми листьями, цветами и травами, – как будто уже в мире ледяных кристаллов природе сняты вещи сны о растительной жизни.

Антуан де Сент-Экзюпери **«Маленький Принц»**

- Здравствуй, - сказал Маленький принц.

- Здравствуй, - отвечал цветок.

- А где люди? - вежливо спросил Маленький принц.

Цветок видел однажды, как мимо шел караван.

- Люди? Ах да... Их всего-то, кажется, шесть или семь. Я видел их много лет назад. Но где их искать - неизвестно. Их носит ветром. У них нет корней - это очень неудобно.

.....

- У каждого человека свои звезды. Одним - тем, кто странствует, - они указывают путь. Для других это просто маленькие огоньки. Для ученых они - как задача, которую надо решить. Для моего дельца они - золото. Но для всех этих людей звезды - немые. А у тебя будут совсем особенные звезды...

- Как так?

- Ты посмотришь ночью на небо, а ведь там будет такая звезда, где я живу, где я смеюсь, - и ты услышишь, что все звезды смеются. У тебя будут звезды, которые умеют смеяться!

.....

- На твоей планете, - сказал Маленький принц, - люди выращивают в одном саду пять тысяч роз... и не находят того, что ищут...

- Не находят, - согласился я.

- А ведь то, чего они ищут, можно найти в одной-единственной розе, в глотке воды...

- Да, конечно, - согласился я.

И Маленький принц сказал:

- Но глаза слепы. Искать надо сердцем.

Антуан де Сент-Экзюпери **«Цитадель»**

Однажды по прихоти случая дерево выросло в заброшенной лачуге без окон и отправилось на поиски света. Человеку нужен воздух, рыбе - вода, а дереву - свет.

Корнями оно уходит в землю, а ветвями к звездам, оно - путь, соединяющий нас с небом.

Дерево, о котором я рассказываю, родилось слепым, но и в темноте оно сумело набраться сил и поползло на ощупь от стены к стене. Запечатлевая свою боль искривлениями ствола.

Наконец оно добралось до окна в потолке, разбило его и потянулось к солнцу, прямое, как колонна.

Я видел его победу со стороны и мог только засвидетельствовать ее с бесстрашием историка.

Какое великолепное несходство – искореженный усилиями узловатый ствол, запертый в темном гробу, и разросшаяся в тишине и спокойствии мощная крона, вскормленная небесным светом, обильно питаемая богами, похожая на обширный стол, за который садится пировать солнце.

Каждое утро я видел, как просыпалось это дерево – все, от ликующих листьев до искривленных корней.

Крона его была переполнена птицами. С зарей они пробуждались и начинали петь.

Но стоило показаться солнцу, как дерево, словно добрый пастырь, отпускало своих обитательниц в небо; дерево-дом, дерево-замок, опустевший до вечерней зари...

Талмуд

У каждой травинки есть свой ангел, который, склоняясь над ней, шепчет: «Расти, расти!»

Андрей Тарковский

Отрывок из сценария фильма «Зеркало» (1974)

Прохожий. <...> А знаете, вот я упал – и такие тут какие-то вещи... корни, кусты... А вы никогда не думали... вам никогда не казалось, что растения чувствуют, сознают, может, даже постигают? Деревья, орешник вот этот.

Мать (недоуменно). Это ольха...

Прохожий (раздражаясь). Да это неважно. Никуда не бегают... Это мы все бегаем, суетимся, пошлости говорим... Отсутствие времени, чтобы подумать.

Плотин

Душа универсальная, или мировая, произвела все живые существа, вдохнув в них жизнь, – и тех животных, которых питает земля, и тех, которые живут в море и в воздухе; она же произвела божественные звезды и солнце, да и всю красоту форм необъятного неба; она же установила и поддерживает во

всем закономерный порядок. Но сама она – совсем иной, несравненно высшей природы, чем все то, что она производит, благоустраивает, чему сообщает движение и жизнь, ибо, между тем как все это то нарождается, то умирает в зависимости от того, дает ли она жизнь или отнимает, сама она существует вечно, не умаляясь в своей жизни.

Из книги «Рождество гномов»

Готовясь к рождественским обходам, гномы пакуют корзинки с орехами, фруктами и пирогами, чтобы накормить голодных зверушек. Потом вся семья пускается в трудный путь через сугробы, весело распевая рождественские гимны.

На звуки этих песен выходят из леса, вылезают из своих нор, убежищ и гнёзд звери, которые уже знают, что рождественские гимны сулят им вкусное угощение и помощь в любой беде. Ведь большинство лесных животных ждут это время даже больше, чем сами гномы. Мыши, ласки, горностаи задолго до праздника делают бумажные фонарики, а в рождественскую ночь выносят их на улицу, чтобы гномы сразу поняли, как сильно их ждут.

Рождественские обходы приносят гномам много радости, но и в другие дни гномы заботятся обо всех в лесу. Они помогают животным и ухаживают за растениями круглый год. А Рождество – просто прекрасный повод, чтобы это отметить.

Как гласит одна пословица: "Каждая ночь – рождественская, если хотя бы одно животное в беде".

Учись у них - у дуба, у березы...

Учись у них – у дуба, у березы.
Кругом зима. Жестокая пора!
Напрасные на них застыли слезы,
И треснула, сжимаяся, кора.
Все злей метель и с каждою минутой
Сердито рвет последние листья,
И за сердце хватает холод лютый;
Они стоят, молчат; молчи и ты!
Но верь весне. Ее промчится гений,
Опять теплом и жизнью дыша.
Для ясных дней, для новых откровений
Переболит скорбящая душа.

Афанасий Фет

Деревья, только ради вас,
И ваших глаз прекрасных ради,
Живу я в мире в первый раз, На
вас и вашу прелесть глядя.

Мне часто думается,- Бог
Свою живую краску кистью
Из сердца моего извлек
И перенес на ваши листья.

И если мне близка, как вы,
Какая-то на свете личность, В
ней тоже простота травы,
Листвы и выси непривычность.

Борис Пастернак

Деревья

Я знаю, что деревьям, а не нам Дано
величье совершенной жизни; На
ласковой земле, сестре звездам, Мы –
на чужбине, а они – в отчизне.

Глубокой осенью в полях пустых
Закаты медно-красные, восходы
Янтарные окраске учат их –
Свободные, зеленые народы.

Есть Моисеи среди дубов,
Марии между пальм... Их души, верно,
Друг другу посылают тихий зов
С водой, струящейся во тьме безмерной.

И в глубине земли, точка алмаз, Дробя
гранит, ключи лепечут скоро, Ключи
поют, кричат – где сломан вяз, Где
листьями оделась сикомора.

О, если бы и мне найти страну,
В которой мог не плакать и не петь
я, Безмолвно поднимаясь в вышину
Неисчислимые тысячелетья!

Николай Гумилев

Весна

Как ни гнетет рука судьбины,
Как ни томит людей обман,
Как ни браздят чело морщины
И сердце как ни полно ран;
Каким бы строгим испытаньям
Вы ни были подчинены, -Что
устоит перед дыханьем
И первой встречей весны!
Весна... она о вас не знает,
О вас, о горе и о зле;
Бессмертьем взор ее сияет,
И ни морщины на челе.
Своим законам лишь послушна,
В условный час слетает к вам,
Светла, блаженно-равнодушна,
Как подобает божествам.
Цветами сыплет над землею,
Свежа, как первая весна; Была
ль другая перед нею – О том не
ведает она:
По небу много облак
бродит, Но эти облака – ея;
Она ни следу не находит
Отцветших весен бытия.
Не о былом вздыхают
розы И соловей в ночи
поет; Благоухающие слезы
Не о былом Аврора льет, –
И страх кончины неизбежной
Не светит с древа ни листа:
Их жизнь, как океан безбрежный,
Вся в настоящем разлита.
Игра и жертва жизни частной!
Приди ж, отвергни чувств обман
И ринься, бодрый, самовластный,
В сей животворный океан!
Приди, струей его эфирной
Омой страдальческую грудь –
И жизни божеско-всемирной
Хотя на миг причастен будь!

Федор Тютчев

Перед весной бывают дни такие:
Под плотным снегом отдыхает луг,
Шумят деревья весело-сухие,
И теплый ветер нежен и упруг.
И лёгкости своей дивится тело,
И дома своего не узнаешь,
И песню ту, что прежде надоела,
Как новую, с волнением поешь.

Анна Ахматова

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик –
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

.....

Вы зрите лист и цвет на древе:
Иль их садовник приклеил? Иль
зреет плод в родимом чреве
Игрою внешних, чуждых сил?..

.....

Они не видят и не слышат, Живут
в сем мире, как впотьмах, Для них
и солнцы, зная, не дышат, И
жизни нет в морских волнах. Лучи
к ним в душу не сходили, Весна в
груди их не цвела, При них леса не
говорили И ночь в звездах нема
была!

И языками неземными,
Волнуя реки и леса,
В ночи не совещалась с ними
В беседе дружеской гроза!
Не их вина: пойми, коль может,
Органа жизнь глухонемой! Души
его, ах! не встревожит И голос
матери самой!..

Федор Тютчев

Я дождь люблю за кротость и смиренье.
За то, что в ветках каплями шурша, Дает
нам слышать, как прозрачной тенью
Течет по руслам мировым душа.

Я дождь люблю за то, что все отринув,
Он повернул часы и мысли вспять И
говорит нам всем, что мы едины И что
пора бы нам про это знать.

Я дождь люблю за тот неодолимый
Наклон вовнутрь. За этот шаг сквозь нас,
За то, что он весь сор из сердца вымыл И
выплакал прощенья хоть на час.

Зинаида Миркина

Мастер икебаны

Вначале его композиции
Были восторженны и многоцветны.
Ирисы, розы цвели в них сиянием лета...
Его ладони
Создавали движенье воды, дуновение ветра,
Шелест колосьев в поле...
А также то, чего он ещё не понял...

И вдруг –
Он стал осторожнее ставить цветы.
Разве что колокольчики добрым приветом,
Одна-три глицинии...
Или багряные всполохи клёна...
Или, возможно, сосны искривлённой
Напряженные линии...

И вот – он сидел долго-долго в саду,
И лилии
Склонялись к его рукам...
Шмели садились ему на плечи...
Золотистые личики солнца играли в его волосах...
Но он не срезал цветов,
Ни белых, ни жёлтых, ни синих...
Он любил их.

Виктория Топоногова

Здесь нет других, в великой тишине
Лесной - душа с собой наедине. Хоть
голосов невидимых не счесть,
Здесь нет других. Но здесь ведь кто-то есть...
Белеет ствол, изогнутый дугой,
Шуршит листва... Да, есть - но не другой
Здесь нет других. И здесь душа должна
Изведать твердь неведомого дна,
Спуститься внутрь, в сгустившуюся тьму
И высветить до дна себя саму.
Установи с самим собою связь,
И лишь тогда, незримо засветясь, Иди
к другим, шепча, как лист лесной: Я
не другой, - вы все - одно со мной...

Зинаида Миркина

На стоге сена ночью южной
Лицом ко тверди я лежал,
И хор светил, живой и дружный,
Кругом раскинувшись, дрожал.
Земля, как смутный сон немая,
Безвестно уносилась прочь,
И я, как первый житель рая,
Один в лицо увидел ночь.
Я ль несся к бездне полуночной,
Иль сонмы звезд ко мне неслись?
Казалось, будто в длани мощной
Над этой бездной я повис.
И с замираньем и смятеньем
Я взором мерил глубину,
В которой с каждым я мгновеньем
Все невозвратнее тону.

Афанасий Фет

И разве то зовете вы душой,
что в вас звенит так тонко и неровно,
чтоб смолкнуть, как бубенчик шутовской?..
Что славы ждет с протянутой рукой?..
Что смерть приемлет в тусклой мгле часовни?
Душа ли это?

А я гляжу в ночи на майский цвет, во
мне как будто вечности частица
стремится вдаль, в круговорот планет,
она трепещет и кричит им вслед,
и рвется к ним, и хочет с ними
слиться... Душа вся в этом...

Райнер Мария Рильке

Я камнем умер и растением восстал,
Растеньем умер, диким зверем стал,
И зверем умерев, теперь я человек,
Зачем же мне скорбеть, что мой недолог век!
Когда как человек я снова смерть приму,
Я ангелом очнусь, невидимым уму,
И ангелом своим пожертвует Господь,
И я, как вдох, на миг войду в Господню плоть.

Джалаладдин Руми

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет – Господь сына блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?»
И забуду я все – вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав –
И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным Коленам припав.

Иван Бунин

- Доктор, я болен.

- Голубчик, а чем вы больны?

- Слух мой ослаб -

Я не слышу шептанья Луны,
Хохота трав, Бормотанья
подземных корней.

Переговоры ворчливых прибрежных камней... Нем и
обычно болтливый берёзовый лист, Птиц мне не
слышно - лишь щебет какой-то и свист... Доктор, я
болен.

А может, схожу я с ума?

Зренье упало.

Я вижу лишь только дома,
Сумки, людей и автобусы, стены
церквей... Гномы исчезли!

Нет эльфов, русалок, нет фей!

Где домовой, что под лестницей жил за стеной?

Доктор, мне страшно, такое впервые со мной.

Доктор, скажите, недуг мой - он неизлечим?!

- Что Вы, голубчик, для страха не вижу причин.

Раньше, любезнейший, были серьезно больны.

Полноте, бросьте. Какие шептанья луны?...

Наталья Филиппова

